

Н. Н. ЕРШОВ

## СИСТЕМА ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ КИШЛАКЕ

*(По материалам с. Кыстакоз, ныне Чкаловск, Ленинабадской области  
Таджикской ССР)*

В основу настоящей статьи положены сведения, собранные автором путем расспросов среди старожилов с. Чкаловск в 1951—1953 гг. и полученные данными из существующей по этому вопросу этнографической литературы.

Современное селение Чкаловск расположено в 9 км от станции Ленинабад и административно входит в Ленинабадский район одноименной области Таджикской ССР. По переписи 1939 г. в Чкаловске насчитывалось 10 953 человека, из них 10 178 таджиков. До 1939 г. селение носило свое старое название Кыстакоз (или Костакоз). До революции Кыстакоз был центром одноименной волости б. Ходжентского уезда Самаркандской области. Кроме самого селения Кыстакоз, в волость входили еще селения Каттаган, Исписар, Аучи и Қалъача, и сейчас входящие в Ленинабадский район; одно время в волость входило еще пять селений, носивших общее наименование Бишкент и отошедших после национального размежевания среднеазиатских республик к Киргизской ССР.

Селение расположено на северном крае обширной веерообразной равнины, которой заканчиваются в сторону Сыр-Дарьи северные склоны и невысокие увалы (адыры) Алайско-Туркестанской горной системы. Равнина эта образовалась от наноса камней, песка и глины выходящим из гор Ходжа-Бакирганским саем, который вплоть до 1938 г., т. е. до проведения Большого Ферганского канала им. Сталина, был единственным источником, снабжавшим водой весь современный Ленинабадский район.

Кыстакоз делился на четыре основные части: Хаузақ, Кентары, Джаугаль и Джуи-мугул. Эти части селения назывались каждая термином «джуйбор» (оросительный канал), ибо расположены они были каждая по течению своего оросительного канала. Эти каналы ответвлялись от одного магистрального канала (джуи калон), выведенного из Ходжа-Бакирганского сая. От него же выше по течению ответвлялись и каналы, подававшие воду на поля селений Каттаган, Исписар, Аучи и Қалъача. Каждая из указанных четырех частей селения Кыстакоз делилась в свою очередь на кварталы, называвшиеся «махалля» или «куча» (улица).

Главным занятием населения Кыстакоза как до присоединения края к России, так и в первое время после него, было полеводство. Преобладали посевы зерновых на поливных землях и в значительно меньшем количестве на богаре. Из технических культур возделывался лишь хлопчатник местных сортов (гуза), а из масличных — лен-кудряш (зигир) и сафлор. Кроме того, довольно много засевалось люцерны и бобовых. Помимо полеводства, значительное место в земледелии занимали садоводство и виноградарство. Овощеводство большого развития не имело.

Из статистических сведений, относящихся к первым годам присоединения края к России, мы узнаем, что податных земель, занятых посевами, садами и виноградниками, в Кыстакозе около 1872 г. было при-

близительно 4672 танапа или немногим менее 800 га, причем подавляющее большинство их было занято под зерновые культуры (исключая рис, посевы которого совершенно не производились из-за недостатка воды). Кроме этих земель, в Кыстакозе было также некоторое количество и вакуфных земель. Они принадлежали как некоторым местным кыстакозским, так и иногородним мазарам и мечетям. Так, например, свои земли имел в Кыстакозе известный ходжентский мазар шейха Мослахиддина. Количество этих вакуфных земель точно установить, к сожалению, не удалось, как не удалось найти ни одной дарственной на землю, отданную в вакф тому или иному мазару или мечети.

При сборе сведений о распределении поливной воды между отдельными джуйборами старого Кыстакоза удалось выяснить, что всего в селении перед революцией считалось 4960 танапов поливной земли, причем в Джаугале было 1100 танапов, в Хаузаке — 2300, в Джуи-мугуле — 660 и в Кентарыке — 900 танапов земли.

Как говорилось, Кыстакоз и Кыстакозская волость получали воду из Ходжа-Бакирганского сая, откуда снабжались водой также г. Ходжент и Унджинская и Гулякандозская волости Ходжентского уезда. Наши осведомители подтвердили сообщение Н. С. Лыкошина, что очередность на получение волостями воды из сая существовала лишь в течение трех весенних месяцев. Этими месяцами были хамал (7/III—6/IV), савр (7/IV—7/V) и джавзо (8/V—8/VI). Лыкошин при описании очередности получения воды упоминает русские месяцы март, апрель и май<sup>1</sup>. Расхождение между сведениями Лыкошина и нашими заключается в том, что, по Лыкошину, Ходжент получал воду одновременно с Унджинской волостью, а Кыстакозская волость — одновременно с Гулякандозской<sup>2</sup>. По нашим же сведениям, Гулякандозская волость получала воду одновременно с Унджинской и г. Ходжентом, а селения Кыстакозской волости — после них.

Очередность получения воды в три весенних месяца была следующей. В месяце хамал сначала 14 дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, потом 16 дней брала воду Кыстакозская волость. В месяце савр сначала 10 дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, а затем 20 дней брала воду Кыстакозская волость. Наконец, в месяце джавзо 8 первых дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, потом 14 дней брала воду Кыстакозская волость, наконец 8 дней опять Ходжент с Гулякандозом и Унджи. Таким образом, за три весенних месяца Кыстакоз получал воду сая в течение 50 дней, а Ходжент с Унджинской и Гулякандозской волостями — в течение 40 дней.

По преданию, раньше Кыстакоз получал гораздо больше воды. По одному варианту, в течение всех этих месяцев Кыстакоз получал всю воду сая, по другому — он брал воду в течение 78 дней, а 12 дней воду брал Ходжент. Порядок этот будто бы был установлен неким Охбутабеком, «построившим ходжентскую урду—цитадель» примерно 400—500 лет назад. По другой версии, «называемый Охбутабеком человек взял Ходжент и наложил на него контрибуцию»<sup>3</sup>. Дальше предание рассказывает, что между ходжентцами и кыстакозцами произошла из-за чего-то стычка, в которой был убит один ходжентец и в виде выкупа за его кровь кыстакозцы были вынуждены отдать ходжентцам право получать воду сая весной в течение 40 дней. Другая версия гласит, что это право было продано ходжентцам лет 60—70 назад кыстакозским амином<sup>4</sup> Мулло

<sup>1</sup> Н. С. Лыкошин, Полжизни в Туркестане, Пггр., 1916, стр. 46.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Л. Ф. Костенко, Туркестанский край, СПб., 1880, стр. 443.

<sup>4</sup> «Амином» называлось в Кыстакозе должностное лицо, замененное после прихода русских волостным правителем, которого население называло «булус». «Амином» же при русских стали называть прежнего иликбоши — пятидесятника.

Абдуррахманом, подкупленным горожанами. За такую измену интересам односельчан народ будто бы ненавидел не только Абдуррахмана, но даже и его потомков, с ними при встречах не здоровались, их не звали ни на семейные праздники — туи, ни на похороны и поминки и сами к ним не ходили. На эту продажу будто бы была составлена купчая — «васика», которая хранилась у ходжентцев и служила при возникавших спорах неопровержимым доказательством их права на воду. По третьей версии, продажи воды не было, а по инициативе уездного начальства и при участии местной администрации селений Ходжентского уезда, пользовавшихся водой Ходжа-Бакирганского сая, очередность пользования водой сая в весенний период маловодья была пересмотрена и изменена, о чем был составлен акт, под которым подписались представители селений, в том числе и упомянутый кыстакозский амин. Весьма вероятно, что при совершении этого акта действительно не обошлось без подкупа участников пересмотра сроков пользования водой сая в три весенних месяца.

Если уменьшение получаемой Кыстакозом воды мало отразилось на площади плодовых насаждений и виноградников, то площадь поливных посевов значительно сократилась и сильно выросла площадь перелогов и залежей. Переложная система посевов зерновых и пропашных культур существовала до 1940 г., т. е. до сооружения Большого Ферганского канала, давшего возможность как ликвидировать перелог, так и освоить залежи.

С начала месяца саратон (9/VI—9/VII) начинался летний паводок, и надобность в очередности на воду отпадала до следующей весны. Но и при самом большом паводке Кыстакозская волость не могла получать больше того количества воды, которое могло пройти по туннелю, прорытому в скале немного ниже головы Кыстакозского арыка, отведенного из Ходжа-Бакирганского сая. Как нам говорили, через этот туннель могло пройти не больше 5 «саньгов» воды<sup>5</sup>. Таким образом, Кыстакоз и Кыстакозская волость были лишены какой-либо возможности расширения своих поливных земель.

Независимо от очереди на воду, г. Ходжент получал постоянно три саньга воды, из которых один саньг считался «хакки хаузи мазор» — долей водоема мазара (шейха Мослахиддина), один саньг — «барон шахру дохтурхона» (городу и больнице) и один саньг — «рохба сарф мешут» (расходовался по пути, т. е. впитывался почвой по пути от города до города)<sup>6</sup>.

Получаемая Кыстакозской волостью вода делилась между селениями волости на 9 равных частей следующим образом: Калъача получала 1 часть, Исписар — 2, Каттаган — 1, Кыстакоз — 5. От главного канала после выхода его из туннеля на равнину по его левому берегу сперва отделялся канал селения Калъача, ниже — канал, шедший на Исписар, еще ниже — канал селения Каттаган. Ниже его главный канал разветвлялся уже на арыки, питавшие водой земли самого селения Кыстакоза. В разветвлениях каналов ставились «кухуры», представлявшие собой деревянные плахи с соответствующим числом прорезей в них, по которым поступающая сверху вода распределялась по разветвляющимся ниже такого сооружения арыкам.

Таким образом, собственно Кыстакоз получал  $\frac{5}{9}$  от 5 саньгов воды. Из этого количества выделялись особые небольшие арыки «вода Халима-пятисотника» (оби Халим понсад) и «вода сада мира» (оби

<sup>5</sup> «Саньг» (тадж.) или «тегермон» (узб.) — распространенная в Средней Азии мера воды, которую обычно весьма неопределенно считают равной струе воды, способной привести в движение один постав местной мельницы.

<sup>6</sup> По Лыкошину, эти три саньга воды предназначались просто для удовлетворения нужд русской части города (Указ. соч., стр. 46).

боги мирй). Кубометраж первого установить не удалось, а кубометраж второго измерялся 3 вершками (се вершок). Повидимому, «вода Халима» была немногим больше «воды сада». Когда-то выделение этих двух отдельных небольших количеств воды в особые арыки было узаконено соответствующим документом и пользовались этой водой определенные лица. Накануне же водной реформы водой из этих двух арыков пользовались люди, не имевшие собственной, буквально «купленной на золото» (оби зархарид) воды. Поэтому вода эта называлась «шальная вода» (оби дайду), «безымянная вода» (оби беном) или «вода вне очереди» (оби бенаубат, оби беруна). «Вода Халима» использовалась на территории джуйбора Джаугаль.

О происхождении ее существует рассказ, что некто Халим, по прозвищу «понсад» (пятисотник), пользуясь тайком водой из общего арыка, вырастил хороший сад. В конце концов это воровство воды надоело ее собственникам, и они лишили Халима возможности красть их воду. Тогда Халим, воспользовавшись приездом в Кыстакоз ходжентского правителя — хакима, принес для его угощения 21 корзину различных сортов фруктов из своего сада и одновременно с этим подал ему челобитную (ариза), в которой говорил, что если ему не дадут возможности получить воду, купить которую он не в состоянии, то выращенный им сад, из которого он принес эти фрукты, погибнет. Правитель будто бы сказал, что если такой сад, лишившись воды, засохнет, вода может обидеться гибелью своего детища и совсем не пойти в кыстакозский арык. Поэтому необходимо дать право Халиму на получение такого количества воды, которое нужно для орошения его сада. Владельцы воды были вынуждены отвести из общего арыка селения небольшой арык, получивший название «оби Халим понсад». С тех пор прошло неизвестно сколько времени. Давно нет ни Халима, ни его сада, а имя его сохранилось в названии арыка, по которому до последних лет шла «вода Халима-пятисотника», — ею пользовались не имевшие своей воды жители Джаугаля. Арык этот отделялся от общего арыка селения метров на 200 выше первого вододелителя — кухура, делившего воду между четырьмя основными частями Кыстакоза, причем он был выведен с правой по течению стороны магистрального арыка и шел параллельно последнему, а потом по особому желобу (ноу) переходил на левый берег магистрального арыка и уже здесь разветвлялся по земельным участкам.

То же самое, вероятно, произошло при выделении «воды сада мира», которой пользовались не имевшие своей воды жители Кентарыка, расположенного ниже всех других частей селения по течению арыка. Эта «вода мира» выделялась опять-таки из общего количества воды, подававшейся магистральным каналом, т. е. это выделение не задевало интересов какого-либо одного лица, а шло, так сказать, за счет воды всего селения. Некоторые старики говорили, что «сад мира» (боги мирй) был когда-то разбит на месте современного общепоселкового сада-парка. Владелец сада, носивший титул «мир» (князь), имел, вероятно, право на воду, но по каким-то причинам вода эта «разъединилась» с тем участком земли, за которым она была в свое время закреплена, и тоже стала «безымянной». Ею стали пользоваться «люди, не имевшие очереди на воду», «люди, не имевшие воды».

Вся остальная вода, получаемая селением, делилась на пять равных частей, каждая из которых называлась «одна вода» (як об). Две из этих долей получал Хаузак, а все три остальные части Кыстакоза получали по одной доле. Для распределения этих долей были установлены соответствующие вододелители — кухуры: первый, находившийся немного выше Джаугаля и ниже ответвления арыка «оби Халим понсад», отделял для Джаугаля одну пятую всей воды канала за вычетом одной пятой доли воды «боги мирй», падающей на Джаугаль. Это выделение производилось соответствующим уменьшением прорези в водораздельной плахе.

отводившей воду в сторону Джаугалья, и увеличением прорези, отводившей воду других частей селения, расположенных ниже. Несколько ниже первого кухура был расположен следующий кухур, деливший оставшиеся в канале 4 части воды пополам между Хаузаком (получавшим две части воды), с одной стороны, и Кентарыком и Джуи-мутулом (получавшими каждый по одной части воды), — с другой, причем доля воды «боги мирй» падавшая на Хаузак, тоже отделялась описанным выше способом из получаемого последним количества воды и присоединялась к воде Кентарыка и Джуи-мугула. Наконец, последний кухур делил воду между двумя последними частями Кыстакоза. Но предварительно из общего канала по которому шла вода для Кентарыка и Джуи-мугула, метра на 2 выше водораздела, специальными «кухурчаи Чорбог» отделялись 3 вершка «оби боги мирй» и по отдельному небольшому арыку отводились ниже и присоединялись к арыку Кентарыка ниже его раздела с арыком Джуи-мугула.

В Хаузаке «шальной воды» не было, но там существовал другой порядок, согласно которому собственники мелких участков земли, не имевшие права на воду (они назывались «милкдорони хушк» — сухие землевладельцы, или «беобо» — безводные), пользовались водой одновременно с владельцами воды, для чего отпужжали входные отверстия (дахана) своих арычков, но обязательно выше ответвления арыков владельцев воды. Ниже этого ответвления открывать арычки им не разрешалось. «Они сидели, открыв входные отверстия (своих арычков) выше нашего кухура, ниже кухура мы не позволяли (им открывать воду), так как вода (там) становилась нашей собственной», — объясняли нам старики. В некоторых случаях владельцы воды не разрешали открывать воду и выше своих кухуров, но «сухие землевладельцы», пользуясь видимо старой традицией, все-таки отпужжали свои арыки. Тогда происходило своеобразное соревнование на твердость характера. «Они (были) заняты открыванием входа (в свои арыки), мы же (были) заняты перепуживанием (их)», — говорили нам. Однако при этом никаких ссор или драк не происходило, может быть, вследствие боязни нарушить традицию и получить за это какое-нибудь ироническое прозвище, на что кыстакозцы были большие мастера, а может быть, и потому еще, что участки эти «безводных» владельцев были весьма незначительны и воды на их полив расходовалось сравнительно мало.

В Кентарыке это не практиковалось: «в Кентарыке не позволяли человеку открывать дахана», так как там «воду сада по очереди давали беднякам». Владелец этой «воды сада» считалось общество (куп).

В Джуи-мугуле, самой зажиточной и более всего обеспеченной водой части селения (она получала «як об» — «одну воду», т. е.  $\frac{1}{5}$  всей воды Кыстакоза, на 660 танапов, тогда как такое же количество воды Кентарык получал на 900 танапов, Джаугаль — на 1100 танапов, а Хаузак — на 1150 танапов), не имевших собственной воды людей почти не было. Поэтому не было и обычая пользоваться общей водой, как не было и «безымянной воды».

Следует сказать, что вопрос о пользовании водой из общего арыка селения или из общего арыка его отдельной части людьми, имевшими землю, но не имевшими официального, т. е. подтвержденного документами (купчей и т. д.) права на получение воды, требует дополнительного исследования. Думается, что здесь мы имеем весьма интересный реликт старых отношений сельской общины с ее коллективной собственностью на воду.

Одна доля воды, получаемая в течение одних суток, как уже говорилось, называлась «одна вода» (як об) или «одна часть воды» (як такси ми об). Таким образом, Хаузак получал «две воды». Вся эта вода имела своих владельцев. «Круг воды» (даврай об), т. е. один цикл очередности на ее получение, состоял из 16 суток или из 16 очередей (наубат). Когда

кончался этот шестнадцатидневный цикл, очередь опять начиналась снова («когда кончались шестнадцать дней, очередь снова начиналась с первой воды»). 16 суточных очередей на двойную порцию воды в Хаузаке назывались: 1-е сутки «сароб» (первая вода); 2-е сутки «оби эшон» (вода ишана; принадлежала шейхам мазара Гумбази); 3-и сутки «оби бой» (вода бая; ею орошались вакуфные земли); 4-е сутки «оби мир» (вода мира; половина ее, или «як об», принадлежала одному хозяину, а вторая половина принадлежала пополам двум другим хозяевам); 5-е сутки «оби Сулаймонбек» (вода Сулейманбека); 6-е сутки «оби шейх» (вода шейха; принадлежала вакфу Ходжентского мазара шейха Мослахиддина); 7-е сутки «оби Авлиспоччо» (вода Авлиспоччо, одного из крупных кулаков селения); 8-е сутки «оби эшон» (вода ишана; принадлежала еще какому-то ишану); 9-е — 14-е сутки — названия выяснить, к сожалению, не удалось; 15-е сутки «поин об» (последняя, буквально нижняя, вода; владельцев выяснить не удалось); 16-е сутки «оби чакана» (вода мелкими долями; принадлежала большому числу хозяев).

Как видим, в джуйборе Хаузак вода принадлежала в основном наиболее зажиточной верхушке этой части Кыстакоза или на правах вакфа составляла собственность религиозных учреждений. Средней и бедной части населения принадлежало весьма небольшое количество воды. Собственность на воду служила средством эксплуатации беднейшей части населения. Баи и управители вакуфных земель, как правило, не обрабатывали сами свою землю, предпочитая отдавать ее в аренду издольщикам. При расчете с ними после снятия урожая баи и управители вакфов брали с издольщиков за воду одну треть урожая, говоря, что это «вознаграждение за воду» (хакки об); вторая треть бралась за землю и т. д.

Первоначально «круг воды» (даврай об) в Хаузаке состоял из 15 суток, но лет 80 назад потребовались значительные средства на покрытие расходов по сооружению головы магистрального канала и община решила продать «навечно» одну суточную воду своей «махалля». Ее купили «сухие землевладельцы» (одамони милкдори хушк), т. е. люди, имевшие землю, но не имевшие права на воду, и с тех пор цикл очередности пользования водой стал состоять из 16 суток. Поскольку эту суточную воду последних суток 16-дневного цикла купили мелкими частями несколько человек, данную очередь на получение воды и называли «оби чакана». Подобные случаи продажи воды на определенный срок, иногда на одни сутки, имели место еще несколько раз, но только тогда, когда требовались средства на поддержание ирригационной системы, т. е. доход от продажи воды тратился на воду же. В таких случаях очередь пользования водой для коренных ее хозяев отодвигалась соответственно тому сроку, на который вода продавалась. Продажу воды по решению сельчан производил мираб. Нет сомнения, что это давало последнему возможность всяких злоупотреблений.

Когда нарушалась регулярная подача воды, что довольно часто случалось в результате размыва канала в его головной части в период весенних дождей или бурного таяния снега в горах летом, то очередь пользования водой соответственно отодвигалась на то число дней, в течение которых происходил ремонт канала.

Суточная вода (як об) делилась на более мелкие части кратно к двум: половина воды (нимта об) — пользование водой в течение полусуток, четверть воды (чойраки об) — пользование водой в течение 6 часов, половина четверти воды (нимчойраки об) — пользование водой в течение 3 часов, одна чакса<sup>7</sup> воды (як чакса об) — пользование водой в течение

<sup>7</sup> «Чакса» — старинная мера веса, употреблявшаяся в Кыстакозе и равная примерно 1 кг. В применении к воде и времени пользования ею она равнялась  $\frac{1}{16}$  суток.

полтора часов. Иногда соседи, имевшие одинаковое количество воды, брали ее одновременно и сами делили пополам, устраивая «кухурч» в других случаях все принадлежащее им обоим вместе количество воды они брали по очереди. Обычно за соблюдением очереди на воду в течение «круга воды» и за соблюдением правильного режима пользования водой в течение суток следил мираб.

В остальных трех частях Кыстакоза существовала примерно такая система распределения воды между ее владельцами, отличавшаяся описанной лишь другой продолжительностью «круга воды».

Время пользования водой днем определялось при помощи особого весьма примитивного сооружения, называвшегося по-таджикски «чени об» (мера воды), а по-узбекски «куланка». Состояло оно из «одного куска глины» (як кетман лой), т. е. количества глины, взятой один раз кетменем. Из нее делали ровную площадку, в которую втыкали вертикально палочку и по отбрасываемой ею тени определяли время наступления или окончания очереди пользования водой. Когда не было солнца, то либо искали человека, имевшего часы, либо определяли время приблизительно, прибегая к авторитету мираба, который разрешал спор, упуская при этом возможности получения и личной пользы.

Время наступления очереди на получение воды в течение суток определяли и по намазам. Сутки делились на четыре равные части — очереди. Первая дневная очередь на получение воды начиналась с того момента, когда первый человек выходил из мечети после окончания первой утренней молитвы (намози бомдод), и продолжалась до «чени чорьяки» (меры четвертой), определенной посредством «чени об», по часам, или же приблизительно и соответствовавшей примерно 10 часам утра. С этого момента начиналась вторая очередь, продолжавшаяся до окончания второго намаза (пешин) и называвшаяся «чени пешин»; третья очередь продолжалась от конца намаза «пешин» до конца последнего, пятого намаза «хуфтан», происходившего около 10 часов вечера. По окончании этого намаза начиналась четвертая очередь, тянувшаяся до конца первого утреннего намаза «бомдод».

Обычно предпочитали брать ночную очередь, потому что «ночная вода была целью» — ее не делили между несколькими владельцами, — также потому, что максимальный дебит воды от таяния снегов в верховьях Ходжа-Бакирганского сая, получавшийся в наиболее теплые часы дня, доходил до Кыстакоза только ночью. От головного сооружения Кыстакозского магистрального канала, называвшегося «сари джуй» (головной арыка) и находившегося в местности Иски-оучи, на 5 км выше с. Кальча, вода доходила до Кыстакоза за 5—6 часов.

Если возникали споры из-за воды, то для их разрешения звали мираба. А если и он не мог решить спора, то обращались к аксакалу селения. В Кыстакозе было пять мирабов, которые ведали распределением воды на территории селения. Водой же всей системы Ходжа-Бакирганского сая ведал мираббоши, находившийся в Ходженте.

За исправностью оросительной системы, в особенности головного сооружения магистрального канала Кыстакозской волости в месте отделения его из Ходжа-Бакирганского сая, а также и верхнего отрезка канала (от головного сооружения до туннеля), проведенного по очень крутому и обрывистому горному склону и особенно подверженного размыву, как от устремлявшихся с гор по склонам дождевых вод, так и в результате малейшего нарушения внешнего (по отношению к горному склону) берега канала, наблюдали особые джуйбоны (сторожа арыка). Каждая из четырех частей Кыстакоза имела по одному джуйбону. Точно так же селения Исписар, Каттаган и Кальча, пользовавшиеся магистральным каналом совместно с Кыстакозом, имели каждый по одному джуйбону. Джуйбоны являлись местными жителями и выбирались населением. Часть из них постоянно дежурила у головного сооружения, другая же

часть вела наблюдение за магистральным каналом на участке от головного сооружения до туннеля. Этот участок был наиболее ненадежным: по рассказам, достаточно было убрать с берега канала один небольшой камешек или носком сапога пробить в борту канала малейшее отверстие, как вода тут же расширяла его, а затем и совсем размывала берег канала, проведенный на большой высоте по крутому склону. Тогда приходилось всю воду в голове канала сбрасывать в реку для предупреждения дальнейшего размыва и чинить прорыв. Так как такие прорывы были на руку другим водопользователям (получавшим таким образом внеочередную воду, которая им не засчитывалась), то бывали случаи преднамеренной с их стороны порчи Кыстакозского канала. Поэтому постоянное наблюдение за каналом было необходимо.

Если случившийся прорыв был небольшим, джуйбоны сами ликвидировали его. Если же это было им не под силу, то на починку канала срочно вызывались жители с. Калъача. В случае больших прорывов вызывалось население из Кыстакоза, Исписара и Каттагана. Для этого посылался верхом на лошади один из джуйбонов, который передавал о случившемся арбобу селения, а последний объявлял: «арык размыло, нужны рабочие» и назначал необходимое число рабочих и количество материалов — бревен и хвороста — для ликвидации аварии. Эти прорывы были довольно часты и отнимали много времени и сил. Не обходилось иногда и без человеческих жертв. «Прорывы канала окончились с наступлением свободы» (т. е. революции), говорили нам, так как в первый же год после революции головные сооружения и наиболее подверженные размыву участки магистрального канала были зацементированы.

Много сил, времени и материалов расходовалось также на ежегодную очистку ложа канала и головного сооружения. Эти работы проводились каждую весну в течение пяти дней до первого пуска воды в канал Кыстакоза. На очистку канала (джукани) выходили жители Кыстакоза, Исписара и Каттагана по одному человеку от каждого дома. Жители с. Калъача, расположенного ближе других селений к головному сооружению канала, от выхода на очистку канала освобождались, так как они обязаны были работать на ликвидации мелких прорывов канала во время его эксплуатации, когда жители других селений не вызывались.

Во время очистки головы арыка кыстакозцы объединялись в группы по 20—25 человек, собирали вскладчину деньги, закупали на них продукты для приготовления горячей пищи во время работ (хлеб все приносили с собой). Очистку канала начинали с головной части и шли вниз по течению. Дойдя до ответвления канала селения Исписар, жители Исписара бросали работу. Жители Каттагана вместе с другими продолжали работу до ответвления своего канала. Остальную часть канала до первого водodelителя в Джаугале очищали жители четырех частей Кыстакоза сообща, а лежащую ниже сеть канала жители каждой части селения очищали отдельно: каждая часть чистила арыки на своей территории.

Мирабы и джуйбоны избирались населением, что, однако, не исключало влияния на эти выборы зажиточной части односельчан. За свою работу мирабы и джуйбоны получали с жителей своей части селения вознаграждение натурой, называвшееся «каусан» и состоявшее из «нимюхча»<sup>8</sup> — продукции той или другой сельскохозяйственной культуры с каждого танапа поливной земли. С посевов люцерны в каусан давали один или два лошадиных выюка сена. Каусан мирабы и джуйбоны собирали сами, обходя посевы своих односельчан во время уборки урожая. Если они не успевали всех обойти, владельцы посевов при уборке урожая сами отделяли их долю и вручали ее впоследствии. При отмеривании каусана пользовались большим решетом, употреблявшимся при

<sup>8</sup> «Нимюхча» — старинная мера веса, употреблявшаяся в Кыстакозе и равнявшаяся двум «чакса», т. 1, примерно 2 кг.



очистке зерна после обмолота и веяния и называвшимся «чоч» (узб.) или «галбер» (тадж.). Чоч обычно вмещал пуд зерна. Им же отмеривались и другие продукты: фрукты, корнеплоды, хлопок-гуза. Кроме каусана, джуйбоны получали в пользование небольшие участки земли в верховьях канала, где могли производить посевы.

Ограниченное количество воды, получаемой Кыстакосом из Ходжа-Бакирганского сая, не давало возможности расширения поливного клина земель. Поскольку вода была строго закреплена за владельцами земель, всякие попытки освоения новых площадей были обречены на неудачу.

После присоединения края к России положение с водой осталось прежним. Царская администрация не предприняла ничего для улучшения существовавшей ирригационной сети и не строила новых гидротехнических сооружений. Русские капиталисты, видя в Туркестанском крае источник получения ценного сырья — хлопка, стали, правда, вкладывать сюда средства, но только в нарождавшуюся хлопкообрабатывающую промышленность, в области же увеличения посевов хлопка и улучшения качества волокна они ограничились завозом и продажей семян американского хлопка и организацией кабальной системы авансирования дехкан. В части расширения поливных земель население было предоставлено самому себе. В области правовых отношений, касающихся водопользования, коренных изменений тоже внесено не было и все оставалось попрежнему вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, после победы которой земля и вода были национализированы. Однако существовавшие до революции земельно-водные отношения продолжали на практике свое существование до проведения земельно-водной реформы.

Земельно-водная реформа в корне изменила правовые отношения, но количество воды осталось прежним. Правда, как мы уже говорили, в самом начале установления советской власти головная часть магистрального канала Кыстакоса была зацементирована и население Кыстакоса было избавлено от трудоемких работ по ежегодному восстановлению головы канала и ремонту магистрального канала, ложившихся в основном на плечи трудовых элементов кишлака. Тем не менее вопрос увеличения посевов поливных культур стоял с прежней остротой. Это показывает, каким огромным событием была постройка Большого Ферганского канала им. Сталина, прорезавшего всю Ферганскую долину с востока на запад и решившего проблему орошения и освоения новых земель не только для Кыстакоса и Ленинабадской области, но и для ряда районов Узбекистана.

В настоящее время все занимающееся сельским хозяйством население Чкаловска объединено в одном крупном колхозе им. Маленкова, представляющем современное крупное многоотраслевое коллективное хозяйство крестьян. Колхоз владеет большим количеством земли — за ним закреплено в вечное пользование 10 336,5 га земли, в том числе поливной 1732 га, т. е. вдвое больше, чем было раньше. Основной отраслью хозяйства колхоза является хлопководство, приносящее колхозу наибольшую часть доходов. В 1952 г. валовой доход колхоза им. Маленкова составил около 20 млн., а недельные фонды колхоза на 1 января 1953 г. составляли около 26 млн. рублей.

Такого коренного разрешения вопроса водопользования трудовое крестьянство смогло добиться лишь при советской власти и колхозном строе в результате огромных повседневных забот Коммунистической партии и правительства Советского Союза об укреплении и дальнейшем развитии социалистического хозяйства нашей страны.